

Мы были с Сашей вместе 54 года.

Это значит: не просто познакомились 54 года назад, а действительно были вместе.

В 71-м году после университета мы пришли в ИТМиВТ.

Я окончил мехмат, а Саша — ВМК, потому что пока он учился на мехмате, из мехмата выделился ВМК, который Саша и окончил.

В ИТМиВТ тогда начали делать АС-6 — многомашинный вычислительный комплекс, в который входила БЭСМ-6 и новые машины: периферийная машина ПМ-6 и центральный процессор АС-6.

Мне досталось делать операционную систему ПМ-6 (не одному, конечно), а Сашу бросили на БЭСМ-6.

Все машины были связаны по локальной сети, так что наши программы должны были тесно взаимодействовать, как и мы сами, конечно.

Нужно сказать, что программы, которые Саша делал на БЭСМ-6 были критически важными: они обеспечивали доставку с ПМ-6 информации, приходившие по каналам связи. Поскольку АС-6 предназначалась, прежде всего, для космоса, это была баллистическая информация. Она поступала на БЭСМ-6 в архив, который так и называли, «Архив Косачева». А уже оттуда её разбирали специализированные программы.

И, конечно, звёздным часом был космический полёт «СОЮЗ-АПОЛЛОН» в 75-м году. Когда был жив Александр Николаевич Томилин, он об этом рассказывал драматично и в красках, это звучало, как хороший детектив.

Все, кому довелось тогда во всём этом участвовать, вспоминают те годы как самые лучшие, работу как самую интересную, а коллектив как... даже не знаю, сказать «дружный», это слишком мало. Двадцать лет спустя эту атмосферу, эти традиции пытался сохранить и воссоздать в ИСП РАН Виктор Петрович Иванников. И нужно сказать, что это ему удалось.

Где-то в 80-м году мы дружно перешли в НИИ «Дельта» вслед за академиком Мельниковым (тогда он ещё был член-кором), за Иванниковым (он как раз защитил докторскую) и Томилиным.

Стали делать «советский Крэй». Но, конечно, наши инженеры не умели копировать, «Электроника СС-БИС» мало походила на американский прототип.

Год через два мы с Сашей занялись ещё и кластерной операционной системой и вообще кластерной технологией программирования. Толчком послужила статья Иванникова в «Докладах Академии наук», написанная на опыте АС-6. На АС-6 мы уже употребляли слово «кластер», но, скажем так, робко. Полноценную кластерную ОС — КЛОС — ещё предстояло разработать.

Конечно, к нам подсоединились и другие люди. Назову только Германа Копытова (он делал ядро КЛОС), Сергея Суреновича Гайсаряна (под его руководством создавалась кластерная система программирования) и Серёжу Кузнецова (он руководил созданием СУБД реляционной базы данных).

Но в первой половине 90-х это всё заглохло по понятным причинам.

Потом умер Владимир Андреевич Мельников, Институт Проблем Кибернетики распался на части, и одну из частей возглавил Иванников. Так возник ИСП РАН.

Об операционных системах надолго забыли.

Зато подвернулся, благодаря Иванникову, многолетний контракт с канадским Northern Telecom по верификации ядрах ихней операционной системы. К нам пришёл Александр Константинович Петренко, подсоединились молодые, мы их называли «три Лёши»: Демаков, Баранцев и Иванов.

Мы опять сидели с Сашей за соседними столами и, фактически, вместе писали спецификации, тесты и всё такое прочее.

И в Канаду ездили вместе.

Появился UniTesK.

Примерно с 2004 года мы с Сашей решили позаниматься теорией. Как специфицировать, как верифицировать, какие модели нужны и прочее.

Теперь мы уже не программировали, писали статьи.

Опять же вместе.

У меня большая часть научных работ — в соавторстве с Косачевым.

Вместе ходили курить. Это когда возникала какая-то проблема, которую нужно было обсудить, сменив обстановку. Называлось «научный перекур». Мы спорили, часто приходилось повышать голос. «Ну, как же не кричать, если ты не понимаешь!» — говорили мы друг другу. Кажется, пугали этим молодых сотрудников и студентов.

Параллельно с тестированием мы вспомнили про распределённые сети (всё-таки, АС-6 была у нас первой такой сетью, хотя и локальной), про автоматы, про графы, про автоматы на графах, про системы автоматов, потом (благодаря Нине Евтушенко) занимались SDN-ками (программно-конфигурируемыми сетями).

Вплоть до последнего часа.

Но что я всё о работе. За эти 54 года мы, конечно, стали не только коллегами и соавторами, но и друзьями, что, может быть, даже важнее.

Мы подружились семьями.

Вместе отдыхали, проводили отпуска.

Всегда вспоминаю наши походы на байдарках с жёнами и детьми по соседним с московской областям, по Южному и Среднему Уралу.

В моей деревне Липовка Саша бывал с самого первого лета 91 года, по-моему, каждый год, последний раз, кажется, в 2018-м.

А тогда, в 91-м, когда мы только купили в этой деревне дом и позвали Сашу приехать в гости, он с охотой согласился, но поставил жёсткое условие: к его приезду я должен соорудить приличный сортир.

Пришлось мне на пару дней поехать в Липовку, копать яму, обшивать досками, сооружать будку.

Получилось прочно. Лет двадцать простоял. Да и сейчас стоит, хотя будка и сильно покосилась, но мы её не трогаем как памятник архитектуры.

В этой Липовке побывали многие здесь присутствующие, знают, что это за место. Саша приезжал и летом, и зимой.

Я назову только троих отсутствующих: Виктор Петрович Иванников, Александр Николаевич Томилин (он у нас много раз бывал) и Сергей Суренович Гайсарян.

Последние десять лет мы уже больше времени проводили не в Липовке (всё-таки до неё 400 километров), а у нас на даче под Талдомом. И, конечно, Саша с Таней приезжали и жили вместе с нами не день-два, а по несколько недель. Кое-кто из присутствующих тоже бывал там.

Хочу сказать ещё об одном деле. Многие знают, что мы с моим другом, художником Сашей Белугиным (вот он здесь сидит) в 97м году организовали литературный клуб «ПОДВАЛ №1». Сначала вечера проходили в мастерской Белугина на Войковской, в подвале сталинского дома. Отсюда такое название. А начиная с 2007-года нас приютил ИСП РАН, за что мы были благодарны Виктору Петровичу, а сейчас благодарны Арутюну Ишхановичу.

Саша Косачев не раз бывал на вечерах клуба. Не знаю точно, сколько раз, но официальная статистика говорит, что три раза он не просто был, но выступал как автор.

Для меня в этом нет ничего удивительного, а тем, кто не знает, скажу: Александр Сергеевич, конечно, не был столь плодовит, как его тёзка, но стихи писал. И стихи хорошие.

У меня в компьютере сохранился цикл его липовских стихотворений.

В них есть то, что мне самому нравится в стихах: сочетание глубокой мысли, тонких наблюдений и иронии. Без иронии Саша никак не мог. И стихи написаны простыми словами, что, как известно, гораздо труднее стихов сложных и непонятных.

Я прочитаю немножко.

Пусть Саша как бы сам скажет.

В Липовку

Самый минимум бросив в рюкзак
(Не забывши, конечно, про выпивку)
С ясной целью, а не просто так,
Отправляюсь я к Игорю в Липовку.

Пенье птиц (с комарами) послушать,
Белый гриб в кузовок положить,
Водки, сидя в избушке, откусать,
А потом вновь захочется жить.

Из «коротких» стихов

Дрова на салазках везу.
От этого я согреваюсь.
В печку заброшу дрова –
Это согреет других.

В этом весь Саша. Когда он первый раз приехал в Липовку, нужно было от автобуса идти пешком несколько километров, это потом стали разъезжать на машинах. Саша шёл и тащил такой огромный рюкзак, что аж посинел. Хорошо подвернулась телега, ехала в Липовку.

— Ты чего в рюкзак-то набил, кирпичи нам вроде бы не нужны? — спросил я.

— Ну, как же! — ответил он. — А еда для нас и для вас. Это закуска, а потом — то что, собираешься вести трезвый образ жизни?

Романс

тут приписка:

На мелодию романса из телефильма "Дни Турбиных"

Ну, я петь не буду, но прочитаю.

В романсе упоминаются:

- мельница — есть такая, правда, в 90-х уже бескрылая,
- интернат — был такой для детей, от него тоже ничего не осталось, последний дом сгорел на нашей памяти,
- и старица — старое русло реки Мокша — озеро шириной как река и длиной несколько километров.

С грустью радость порой перепутана:

Едем домой, а нам в спину глядят

Тихая Липовка, снегом укутана,

Мельница, старица и интернат.

Верьте пословице: – "Всё перемелется".

Станет невмочь – возвращайтесь назад.

Грусть перемелют бескрылая мельница,

Липовка, старица и интернат.

Не позволяйте душе своей стариться.

Есть эликсир – обратите свой взгляд:

Тихо лежат за сверкающей старицей

Липовка, мельница и интернат.

Там над тобой – небеса необъятные.

С каждым приездом – милей во сто крат

Липовки символы, сердцу понятные,

Мельница, старица и интернат.

И последнее короткое:

Хочешь попасть домой –

Курс держи на кладбище.

Есть и другие пути –

Этот короче всех.

Ну, вот на этот раз слишком буквально получилось.

В конце я должен говорить стандартные слова про то, что память о Саше Косачеве навсегда останется в моём сердце.

Но это и так ясно.

Я подсчитал: 54 года — это 70 процентов моей жизни, не вошли только младенчество, детство и юность.

Тут захочешь, не забудешь.

13:19